

European
University
Institute

ROBERT
SCHUMAN
CENTRE FOR
ADVANCED
STUDIES

КАРИМ Восток – Консорциум прикладных исследований по международной миграции

Финансируется совместно с Европейским Союзом

“Еще раз” к Вопросу о Влиянии Трудовой Миграции на Положение Уязвимых Слов Населения Азербайджана

Сергей Румянцев

Аналитические и Обобщающие Записки 2012/04

© 2012. Все права защищены.
Ни одна из частей данного документа не может быть
распространена, цитирована или воспроизведена
в какой либо форме без разрешения проекта Карим Восток.

КАРИМ-Восток
Создание исследовательского центра по миграционным процессам и
миграционной политике на востоке Европы

Аналитические и Обобщающие Записки
КАРИМ-Восток AS 2012/04

“Еще раз” к Вопросу о Влиянии Трудовой Миграции на Положение
Уязвимых Слоев Населения Азербайджана
(КАРИМ-Восток AS 2012/03, КАРИМ-Восток RR 2012/15)

Сергей Румянцев

© 2012, Европейский университетский институт
Исследовательский центр имени Робера Шумана

Этот текст можно скачивать только для личных исследовательских целей. Любое дополнительное воспроизведение с другими целями, в печатном или электронном виде, требует согласия Исследовательского центра имени Робера Шумана.
Запросы следует отправлять по адресу carim.east@eui.eu

При упоминании и цитировании ссылка оформляется следующим образом:

Сергей Румянцев, “Еще раз” к Вопросу о Влиянии Трудовой Миграции на Положение - Уязвимых Слоев Населения Азербайджана, CARIM-East RR 2012/04, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute, 2012.

ВЗГЛЯДЫ, ВЫРАЖЕННЫЕ В ЭТОМ ИЗДАНИИ, НИ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ
НЕ МОГУТ РАССМАТРИВАТЬСЯ
КАК ОФИЦИАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Европейский университетский институт
Badia Fiesolana
I – 50014 San Domenico di Fiesole (FI)
Италия

<http://www.eui.eu/RSCAS/Publications/>
<http://www.carim-east.eu/publications/>
<http://cadmus.eui.eu>

КАРИМ-Восток – Создание исследовательского центра по миграционным процессам и миграционной политике на востоке Европы

Этот проект частично финансируется Европейским союзом и является первым исследовательским центром по миграционным процессам и миграционной политике, исследования которого сосредоточены на восточных соседях Европейского союза и охватывают все страны «Восточного партнерства» (Беларусь, Украина, Республика Молдова, Грузия, Армения и Азербайджан), а также Российскую Федерацию.

Две основные темы проекта:

- (1) миграция из данного региона в Европейский союз (ЕС) с акцентом на странах эмиграции и транзита на восточной границе ЕС;
- (2) региональная миграция на постсоветском пространстве.

Проект начался 1 апреля 2011 года как совместная инициатива Европейского университетского института (ЕУИ), Флоренция, Италия (ведущее учреждение), и Центра миграционных исследований (ЦМИ) Варшавского университета, Польша (учреждение-партнер).

Исследователи КАРИМ-Восток проводят комплексный и ориентированный на выработку политики анализ широкого спектра вопросов, связанных с мобильностью людей и основными тенденциями на рынке труда к востоку от ЕС. Они также изучают возможное воздействие этих тенденций на динамично развивающееся социально-экономическое пространство шести восточных партнеров ЕС и России, а также самого Европейского союза.

В частности, КАРИМ-Восток:

- создает широкую сеть национальных экспертов из региона, которые представляют все основные дисциплины, изучающие миграцию, трудовую мобильность и вопросы национального развития (демография, право, экономика, социология, политология).
- формирует всеобъемлющую базу данных для мониторинга масштабов миграции в регионе (как потоков, так и контингентов), соответствующих законодательных изменений и национальных политических инициатив;
- совместно с экспертами из региона проводит систематические и специальные исследования новых миграционных вопросов на региональном и национальном уровнях;
- предоставляет ученым из региона возможность принимать участие в семинарах, проводимых ЕУИ и ЦМИ, а также возможность участвовать в программах академического обмена для аспирантов;
- предоставляет площадки, на которых национальные и международные эксперты могут взаимодействовать с политиками и чиновниками, а также с другими заинтересованными лицами из упомянутых стран.

Ознакомиться с результатами деятельности проекта можно на его вебсайте: <http://www.carim-east.eu/>

За дополнительной информацией обращайтесь:

CARIM-East

Robert Schuman Centre for Advanced Studies (EUI)

Convento

Via delle Fontanelle 19

50014 San Domenico di Fiesole

Italy

Тел.: +39 055 46 85 817

Факс: + 39 055 46 85 770

Email: carim.east@eui.eu

Исследовательский центр имени Робера Шумана

<http://www.eui.eu/RSCAS/>

Начну с возвращения к центральной теме моей статьи – «Трудовая миграция и социальное неравенство в постсоветском Азербайджане», в которой предпринималась попытка анализа *влияния массовых миграционных процессов (эмиграции, иммиграции, а также внутренней миграции) на положение социально уязвимых слоев населения Азербайджана (в первую очередь, женщин и людей пенсионного возраста)*. И, для начала, вновь вернусь к утверждению, что данный аспект миграционных процессов до сих пор целенаправленно не исследовался, да и, в целом, следует говорить об определенном дефиците серьезных исследовательских работ в сфере изучения миграционных процессов, в которые было вовлечено население Азербайджана.

Или, по-другому (имеет смысл подойти к этим вопросам из другой перспективы), к каким источникам информации мы можем прибегнуть, с тем, чтобы попытаться описать современную ситуацию в указанной области. Определить наиболее важные вопросы и аспекты, хотя бы при первом приближении. Какова та статистика, к которой мы можем обратиться. И, вместе с тем, если задать более широкий вопрос, какую оценку можно дать тем исследованиям и публикациям в области миграции, которые проводились и издавались до настоящего момента. Этот вопрос важен не только из перспективы критических замечаний Арифа Юнусова. Скорее следует надеяться, что дискуссия могла бы стать хорошей возможностью для внесения ряда уточнений и дополнений к уже предложенному анализу. А также предоставляет не менее актуальную возможность задуматься о современном состоянии, проблемах и перспективах исследований миграционных процессов.

Все десять экспертов, интервью с которыми легли в основание моего анализа сошлись во мнении, что трудовая эмиграция из Азербайджана, а также иммиграция в страну не приводят к существенному изменению положения уязвимых слоев населения страны. Все эксперты, что, в общем, было очевидно, сошлись во мнении, что мужчины выезжают из страны в значительно большем числе, чем женщины. Однако, гендерный дисбаланс, связанный с эмиграцией из страны значительной части мужчин трудоспособного возраста, не становится причиной для существенного повышения социального статуса или смены социальных ролей для женщин, а также для людей пенсионного возраста.

Наиболее взвешенный ответ на вопрос, почему мы не наблюдаем серьезных изменений, можно представить следующим образом: все эксперты сходятся во мнении, что большинство мигрантов – это жители сельских областей. Сельская местность к моменту распада СССР была перенаселена. В результате экономического спада и снижения уровня социального обеспечения, возможности карьерного роста и трудоустройства в сельских областях в постсоветский период стали еще более ограниченными. При этом, значительная часть, если не большинство эмигрантов из сельской местности это низко-квалифицированные или неквалифицированные работники. В результате говорить о каком-то серьезном освобождении рабочих мест, появлении новых возможностей для карьерного роста (вертикальной мобильности), смены ролей, статусов или трудоустройства для пенсионеров и женщин просто не имеет смысла. В том числе и по той причине, что в сельских областях дефицит возможностей профессиональных карьер и мест для трудоустройства можно считать перманентным. А также потому, что в целом по стране в постсоветский период существует определенный дефицит мест для трудоустройства (тем более, в той или иной степени престижных). Хотя динамика и сильно разнится от года к году. Или, проще, предложения со стороны желающих трудоустроиться превышают спрос на «рабочие руки» несмотря на масштабную трудовую эмиграцию. Наконец, тот фактор, который очень условно можно обозначить как «традиционное» гендерное неравенство, а также коррупция и система nepotизма при приеме на работу (особенно престижную), в своей совокупности также не увеличивают шансы женщин или пенсионеров.

Теперь о другом, и крайне важном аспекте, во взглядах на который все эксперты также сошлись во мнениях. Мы можем говорить о массовом характере трудовой эмиграции из страны, но мы не можем назвать сколько-нибудь точные цифры. Это могут быть от 500 или 600

тысяч до более миллиона человек. Мы можем утверждать, что главным донором трудовой эмиграции является сельская местность, но мы не можем назвать точные цифры. По разным областям страны речь может идти о 40-50% или, как утверждает тот же Юнусов, даже о 70% мужчин (или вообще жителей) трудоспособного возраста. Мы можем утверждать, что мужчин выезжает из страны значительно больше, чем женщин, но мы не можем назвать точные цифры. Женщин может быть от 20% до 35-37% от общего числа эмигрантов. Мы можем утверждать, что в стране находятся нелегальные трудовые иммигранты, но мы не можем и здесь назвать точные цифры. Их может быть 30-40 или 60 тысяч, или гораздо больше. Наконец, мы практически ничего не можем утверждать о том, как миграция влияет на положение детей. Кроме того, что большая часть денежных трансфертов уходит в сельскую местность и тратится на бытовые нужды, но не на лучшее по качеству образование или медицинское обслуживание, и т. п. Т. е. не на повышение качества жизни, а входит в прожиточный минимум. Тем более, нам практически ничего неизвестно о влиянии миграции на положение инвалидов и людей с ограниченными возможностями. Нам даже здесь неизвестны точные цифры. Можно только утверждать, что таких людей не менее 4-5% от всего населения. Но статистика и здесь не поспевает за динамикой. И мы можем только утверждать, что положение данной группы населения чрезвычайно далеко от «идеального», но это обстоятельство не связано напрямую с трудовой эмиграцией.

Что еще важнее, все эти данные (все эти проценты и цифры), в целом, основаны на наших предположениях и наблюдениях. Все они носят, по сути, косвенный характер. Эти оценки составлены на уровне: если попробовать предположить и свести воедино явно недостаточные данные, которые у нас есть, мы можем прикинуть, что не менее... Или не более... В конечном итоге, мы можем попробовать оценить наиболее вероятные верхние и нижние пределы.

Безусловно, учет миграционных потоков всегда является проблемой, и практически при всех ситуациях существует определенная категория мигрантов, которые остаются невидимыми для статистики и разного рода контролирующих органов. Безусловно и то, что все наши хоть и неточные предположения, в свою очередь, небеспочвенны.

Но факт заключается также и в том, что за прошедшие с распада СССР 20 лет, мы так и не получили сколько-нибудь достоверной, уже не говоря о сколько-нибудь точной, информации по всем этим и многим другим вопросам. Пусть и с поправками на различного типа погрешности. Что в таком случае мы можем утверждать об официальной статистике, которой располагаем или о тех исследованиях и публикациях, к которым можем обратиться?

Начну со статистики и подчеркну, для начала, что утверждение Юнусова об активном вмешательстве власти в систему учета миграции, а также о прямых «фальсификациях» данных, я не могу оценивать как критику моего подхода. Это скорее дополнительный аргумент, за который мне следует Юнусова только поблагодарить.

Однако, я предлагаю взглянуть на проблему оценки статистических данных из другой перспективы. О политико-идеологическом характере статистики уже сказано достаточно в самой статье. Важнее, подчеркнуть для начала, что сам анализ специфики функционирования института статистики предпринимался мною только из перспективы поставленной темы. Т. е. главная его цель, состояла в демонстрации тех серьезных затруднений, которые возникают у исследователя, предпринимающего попытку предложить анализ ситуации в области влияния миграции на социально уязвимые слои общества. Конечно, возможность обращения к ряду отчетов, составленных экспертами международных организаций, позволяет хоть как-то корректировать оценку. Кроме того, ряд показателей просто невозможно не отразить даже в официальной статистике. Как невозможно, исказить численность женщин в правительстве, парламенте, институтах здравоохранения и образования и пр. структурах. Однако, и этих данных, безусловно, недостаточно.

Но даже не это главное. Следует подробнее поговорить о радикальной разнице в концептуальных подходах. Учитывая, что критический текст Юнусова в значительной степени построен на прямых выдержках из его же монографии – «Миграционные процессы в Азербайджане» (2009), я напрямую обращаюсь к этому «первоисточнику». И хотя Юнусов, безусловно, автор весьма плодовитый, однако, тексты перечисленных им статей, автором которых он является, в свою очередь практически в полной мере отражены в той же монографии. Обстоятельство, которое заметно облегчает мою задачу.

С тем же, чтобы более четко обозначить концептуальную разницу я позволю себе вкратце обратиться к теме «азербайджанской диаспоры». Это оправдано и критикой Юнусова, и тем, что в своей монографии он говорит об азербайджанцах в России, Украине или в «странах западной цивилизации» как о диаспорах. Ну, и наконец, тем, что именно эта тема в большей степени занимает меня в последние несколько лет, и я, ко всему прочему, не собираюсь уделять ей много внимания¹.

В самых общих словах, для меня как исследователя социолога «азербайджанская диаспора» - это политический проект (здесь концептуально я следую за Роджерсом Брубейкером). Центральной спецификой этого политического проекта, который осуществляется правящим в Азербайджане режимом и этническими активистами в эмиграции, становятся цели и, особенно, практики его реализации. По моему мнению, конструирование азербайджанской диаспоры осуществляется посредством «бюрократической» и «дискурсивной» практик. Вслед за Пьером Бурдьё и Брубейкером я не считаю, что следует определять диаспоры по численности группы или их границам, в ущерб отношениям. Или, по-другому, я не считаю, что о диаспорах следует говорить как о реальных и солидарных группах, тем самым осуществляя их на практике².

Т. е. говорить о них так, как это в своих текстах делает историк и конфликтолог Ариф Юнусов. Начиная, например, свой анализ миграции азербайджанцев в постсоветские страны с утверждения, что: «История азербайджанской диаспоры в этой стране [в России] уходит своими корнями в далекие средние века и связана с торговыми и политическими контактами двух народов»³ и т. д. На мой взгляд, Юнусов выступает в данном случае не в качестве исследователя, а в роли авторитетного специалиста, конструирующего «азербайджанскую диаспору». Или, говоря словами Мишеля Фуко, он становится тем уполномоченным индивидом авторитет или статус которого (или, по Бурдьё, власть номинации), предполагают наличие у него права на диаспоральный дискурс. Т. е., выступая в качестве независимого эксперта и авторитетного специалиста-исследователя с солидным академическим бэкграундом, он становится участником политического проекта

---

¹ Как не уделить этому вопросу сколько-нибудь заметного места и в статье. Упомянув о тематике диаспоростроительства как о, на мой взгляд, доминирующей в 2000-е годы. Подчеркну, что даже простое количественное сравнение числа опубликованных монографий посвященных исследованиям миграционных процессов и тем, которые посвящены диаспоре, демонстрирует специфику интересов гуманитарных и социальных исследователей в Азербайджане.

² Подробнее см: Румянцев С. (2008), Дискурсивные практики производства этно-национальной «диаспоры» (азербайджанцы в Германии), *Диаспоры*, № 2, Москва, с. 131-176; Румянцев С., Барамидзе Р. (2008), Азербайджанцы и грузины в Ленинграде и Петербурге: как конструируются «диаспоры». Часть I., *Диаспоры*, № 2, Москва, с. 6-46; Румянцев С., Барамидзе Р. (2009), Азербайджанцы и грузины в Ленинграде и Петербурге: как конструируются «диаспоры», Часть II, *Диаспоры*, Москва, с. 6-38; Румянцев С. (2009), Диаспора, как политический проект: практики и цели конструирования этно-национального сообщества, *Tbilisi, Journal Civilization Researches*, № 7, 2009, с. 53-61. Romyanov S. (2010), Post-Soviet Nation State as a Sponsor of Construction of the Ethno-National Diaspora: Azeri's Case, *Revue Européenne des Migrations Internationales (REMI)*, 2010 (26) No 3, pp. 111-131; Румянцев С. (2011), Время Диаспоры: Национальное Государство и Политика Конструирования Этно-Национального сообщества, в: *Государство, миграция и культурный плюрализм в современном мире. Материалы международной научной конференции*, Ред. В. С. Малахов, В. А. Тишков, А. Ф. Яковлева, Москва: IKAR, с. 188-211.

³ Yunusov A. (2009), *Migration processes in Azerbaijan*, Baku: Adiloglu, p. 81.

конструирования диаспоры. Вся конструкция Юнусова представляет собой интересный образчик феномена, который Жан-Пьер Фай метко назвал «эффектом Мабли». И дело не в том, что Юнусов занимается сознательным конструированием «исторических корней» азербайджанской диаспоры. Если судить по тексту книги и ссылкам на привлекаемые Юнусовым материалы, то либо он просто не знаком с современной дискуссией, либо полностью ее игнорирует.

Для меня же азербайджанская диаспора – это продукт только постсоветского периода. Для меня речь идет о политико-идеологическом конструкте иерархически соподчиненной бюрократической структуры (или, по словам Владимира Малахова, бюрократическом симулякре), а также о дискурсивной формации. Заметная роль, по моему мнению, в этом политическом проекте конструирования диаспоры отводится постсоветской идеологии азербайджанского национализма. Так как национализм по определению является политической идеологией, то и статистика, которая интерпретируется политическим режимом в контексте реализации проекта диаспорастроительства (и далеко не только в этом контексте), становится составной частью этой идеологии. В духе Бенедикта Андерсона указывающего на «перепись», статистику я также рассматриваю и как важнейший институт власти⁴.

Именно в этом контексте и следует понимать подход, при котором данные статистики, рассматриваются мною как политико-идеологический конструкт. Дело не в том, доверять официальной статистике или нет. «Правильная» эта статистика или «неправильная». Вопрос следует ставить совершенно иначе: почему статистика конструируется подобным образом. Нужно искать ответ на вопрос, почему и в каком политическом контексте власть интерпретирует различные данные и конструирует официальный статистический дискурс. Какие цели перед собой ставят, и кем являются те акторы власти, которые стоят за этими интерпретациями и дискурсом. Как институциональные ресурсы и авторитет власти (в том числе и символический) влияют на эти интерпретации. Поэтому обращение к официальной статистике становится обязательным.

Надеюсь, что теперь мой подход не напоминает «хлесткое заявление журналиста из оппозиционной газеты». Должен все же сказать, что подобного рода критическое замечание сильно смахивает на упрек исходящий от «агента»⁵ власти. Каковым Юнусов, конечно, не является, но в роли которого, надеюсь невольно, выступает. Но гораздо важнее то, что Юнусов представляет меня, в качестве ангажированного исследователя. По этой логике, во всех случаях, когда официальная информация не принимается на веру, возникает по определению ангажированное политическое оппозиционное мнение. Однако, я подхожу к данному вопросу не из перспективы ангажированного политического оппонента власти (каковым, безусловно могу быть, или не быть, в качестве гражданина), а как исследователь социолог. И только строго прописанные теоретические фреймы позволяют избежать какой-либо ангажированности.

И собственно никаких теоретических фреймов для описания миграционных процессов Юнусов в своих работах как раз и не предлагает⁶. Поэтому проблема даже не в концептуальном расхождении. Дискуссия, в принципе уместна и интересна, если бы, например, в отличие от

⁴ Anderson, B. (1998), *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, London: Verso; Brubaker R. (2000), Accidental Diasporas and External “Homelands” in Central and Eastern Europe: Past and Present, *HIS Political Science Series 71*; Brubaker R. (2005), The ‘diaspora’ diaspora, *Ethnic and Racial Studies*, Vol. 28, № 1, pp. 1-19; Бурдые П. (2007), *Социология Социального Пространства*, Санкт-Петербург: «Алетейя». Cohen R. (2008), *Global Diasporas: An Introduction*, London & New-York: Routledge; Safran W. (1991), Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return. *Diaspora*, Vol. 1 (1), pp. 83-99; Sheffer, G., 2003. *Diaspora Politics: At Home Abroad*. Cambridge: Cambridge University Press. И др.

⁵ «Агента» конечно в том смысле, который вкладывает в этот термин Бурдые («социального агента»).

⁶ При чем Юнусов в своей книге не указывает и трети из моего перечня монографий публиковавшихся в Баку, тематика которых посвящена «азербайджанской диаспоре».

меня, сторонника социального конструктивизма (в традиции от Пьера Бурдьё, Бенедикта Андерсона и Роджерса Брубейкера) Юнусов придерживался бы, тех подходов к исследованиям диаспорских сообществ, которые развивают Уильям Сафран, Робин Коэн или Габриэль Шеффер. Или предложил бы какие-либо теоретические рамки для описания процессов трудовой миграции. Благо дискуссия по этим феноменам давняя и богатейшая. Проблема в том, что Юнусов в принципе игнорирует какие либо теоретические фреймы и современную профессиональную дискуссию. Практически во всех случаях он отсылает только к тем работам, из которых черпает какую-либо информацию (цифры и разного рода количественные данные). В результате работы Юнусова по миграции содержат немало интересной информации (в силу чего я и упоминаю некоторые из его текстов в статье), но страдают чрезвычайно поверхностным анализом. Речь идет, как правило, о простом сравнительном анализе данных из разных источников (переписи в разных странах, данные отчетов разного рода международных организаций и т. п.). Сильной стороной его работ мог бы стать глубинный концептуальный анализ полевых материалов (опросов и интервью). Однако в отсутствии строгого концептуального и методологического подходов и здесь предлагаемый анализ носит только поверхностный характер.

Можно ли утверждать, что проблема игнорирования теоретических фреймов, невнимание к строгому определению терминов и методологии актуальна только для работ Юнусова? Думаю, что вопрос следует ставить шире. После распада СССР, когда советские ученые отказались от символического цитирования Маркса, Энгельса и Ленина большинство из них так и не пришли к пониманию необходимости следования тому или иному теоретическому подходу. Они просто продолжают называть себя «объективными». Так было вначале 1990-х, таковой ситуация остается и теперь. На мой взгляд, это обстоятельство может быть простительным даже для конца 1990-х, но не в 2012 году, после 20 лет непрерывных исследований миграционных процессов.

Наконец, Юнусов позволяет себе постоянно ссылаться на публикации в СМИ. В некоторых главах его книги свыше половины сносок отсылают читателя к газетам и новостным сайтам. Или к статьям самого Юнусова, в которых он в свою очередь вновь активно ссылается на публицистику. В данном случае, следует говорить и о серьезном методологическом расхождении. Для меня тексты в СМИ могут рассматриваться только в качестве полевых материалов, служащих для проведения дискурса или контент анализа. А Юнусов чаще всего обращается к ним как к заслуживающим доверия источникам информации. Утверждение, что еженедельно в СМИ публикуются какие-то тексты по вопросам миграции и диаспоры справедливо. Но попытку указывать на эти публикации, как на источники знания, я могу рассматривать только как заблуждение, недопустимое для специалиста. Исходя из всего сказанного, я не могу рассматривать многочисленные тексты Юнусова в качестве серьезных академических публикаций. На мой взгляд, речь идет скорее об аналитических обзорах, которые без необходимого фундамента, повисают в пространстве между простой публицистикой и академическими исследованиями.

Приведу типичный пример. В своей монографии Юнусов предлагает чрезвычайно интересное описание неформальной («теневой») экономики и торговли, которую азербайджанцы организовали в России. Юнусов говорит о том, что азербайджанцы монополизировали рынок цветов и пр. Это описание изобилует интересными конкретными данными (в цифрах) о масштабах доходов, коррупционных схемах, формировании незаконных вооруженных отрядов и т. п. Откуда Юнусов черпает всю эту интересную информацию? Весь анализ построен на трех статьях, опубликованных в разное время в «Независимой Газете» (27 марта 1992 г.), а также газетах «Зеркало» (27 января 1996 г.) и «Комсомольская Правда» (12 мая 1998 г.). Наконец, он отсылает читателя к его же статье 2001 года, где мы видим то же описание и ссылки на те же самые публикации в газетах. Юнусов, к сожалению, не указывает названия статей и страницы в газетах. Но это могут быть только: «Короли гвоздики: кто и как торгует

цветами в Москве» («Независимая Газета» с. 6); «Доходы населения падают» (Зеркало, с. 9); наконец, «Какое лицо у конфликта в «Лужниках»: «кавказской национальности» или бандитского интернационала?» (Комсомольская Правда, с. 2).

Авторы этих публицистических статей (в спектре от аналитической публицистики до журналистского расследования), не предлагают никаких подробных комментариев со ссылками на использованные материалы и источники информации. Как обычно, это туманные указания на мнение «экспертной группы газеты «Зеркало», или «эксперты считают», говорят авторы статьи в «Независимой газете». В «Комсомольской Правде» ни о каких «экспертах» вообще не упоминают. Сам язык постсоветской публицистики изобилует стереотипными и расистскими клише: «природная предприимчивость населения» («Зеркало»), следящие за продавщицами цветов «русскими девушками» - «парни южане с сытыми лицами, хорошо, но без вкуса одетые. Это клановая гвардия» - сообщает читателю автор, «лица южной национальности» («Независимая газета»). «Жгучий брюнет, что с воплями «Пабэрэгись» катит по Черкизовскому вещевому рынку тележку с горой товаров, пояснил просто: Москва-большая»; «дэвушки здэс хорошие» (Комсомольская Правда) и пр.⁷ Никакой рефлексии по поводу достоверности или качества этих текстов в работах Юнусова не содержится. Эти статьи он использует как прямые источники информации, и строит на них свой анализ.

В довершении ко всему, мы используем разные языки описания исследуемых социально-политических феноменов. Например, для меня нерелексивное употребление в монографии, претендующей на статус серьезной исследовательской работы, таких условных кластеров пространственного мышления как «страны западной цивилизации» или «Восток», представляется недопустимым. Или, по другому, вслед за Брубейкером, я считаю недопустимым использование категорий практики в языке анализа («соотечественники» и пр.). Или, считаю недопустимым, цитировать в качестве «русского ученого» и для обоснования своих же собственных сомнительных «логических» построений (с упоминанием «психических расовых черт»), поэта и публициста, а по совместительству и радикального националиста-черносотенца Л. В. Величко (XIX – начала XX вв.)⁸.

И все же, как я уже говорил выше, и подчеркну еще раз, что в условиях острой нехватки профессиональных исследований, работы Юнусова можно рассматривать, и как полезные. В них можно найти немало полезной информации, интересных наблюдений и материалов. Но, к сожалению, не по тем аспектам миграционных процессов, которые были в фокусе статьи. Поэтому привлечение его работ в качестве источников информации по анализируемым вопросам, за редким исключением не представляется необходимым.

Не вижу необходимости и в упоминание ряда других текстов, в невнимании к которым меня упрекает Юнусов. И которые, в большинстве своем, не могут нам помочь при анализе влияния миграции на социально уязвимые слои населения в Азербайджане. И все же, упоминание Юнусовым некоторых текстов, предоставляет нам хороший повод немного поговорить не только о его многочисленных публикациях, но и о других работах, которые могут представлять интерес для специалистов, а также добавить что-то новое к дискуссиям, возникающим при изучении миграционных процессов.

Но прежде нужно отметить, что первые два автора, к статьям которых справедливо отсылает Юнусов – Али Абасов и Азер Аллахверанов, как раз и были в числе тех экспертов, которые любезно согласились дать интервью. Обе же их статьи, на которые указывает Юнусов, довольно давние и носят скорее обзорный характер. Что важнее, тема положения уязвленных слоев населения Азербайджана в контексте миграционных процессов, не отводится в этих

⁷ См: Юнусов (2001), Азербайджанцы в России: Смена Имиджа и Социальных Ролей, Диаспоры №1, 108-130, с. 112-114; Юнусов А. (2009), Миграционные Процессы в Азербайджане, Баку: Адильоглы, с. 88-90.

⁸ Юнусов, Миграционные Процессы, Там же: с. 83.

статьях заметного места. Статья Али Абасова, безусловно, гораздо ближе по тематике к моему тексту, но сфокусирована больше на демографических, а не на социально политических аспектах. Поэтому в своей статье я предпочитаю обратиться к более современному тексту, основанному на интересном исследовании, в работе над которым принимал участие (а некоторое время являлся одним из его руководителей) тот же Али Абасов - “Gender Attitudes in Azerbaijan: Trends and Challenges” (UNDP Azerbaijan, 2007). Тем более, что данный текст также близок к тематике моей статьи.

Стоит остановиться и на магистерской работе Исы Алиева (Isa Aliyev), которая представляет собой интересную попытку описать процессы внутренней миграции и урбанизации в Азербайджане. Учитывая, что эту работу Алиев готовил при Центральном Европейском Университете (Будапешт), а не в одном из Бакинских ВУЗов, в тексте содержится интересная теоретическая рефлексия, а также материалы полевых исследований автора. Пожалуй, из всех перечисленных Юнусовым работ, этот текст (точнее некоторые его разделы) наиболее близок к теме статьи (наряду со статьей Абасова). Стоит, однако, упомянуть, что описывая процессы внутренней миграции, из перспективы социально-политической Алиев, помимо прочего, ссылается на один из текстов того же Юнусова, а также и на мою давнюю статью. В целом, выводы Алиева не входят в противоречие с теми, что представлены в моей статье, а также с мнением экспертов. Ряд ключевых данных черпается нами из общих источников, перечень которых, к сожалению, заметно ограничен. Но так как проблема влияния внутренней миграции исследуется Алиевым в гораздо более общем контексте, и не фокусируется на социально уязвимых слоях населения, я не упоминаю и эту достаточно интересную работу⁹.

Статьи российских исследователей, на которые указывает Юнусов, в свою очередь не привносят ничего нового в дискуссию по интересующим меня вопросам. И сама ссылка Юнусова на эти тексты вызывает у меня только недоумение. Единственное объяснение, которое я нахожу, может состоять в том, что Юнусов по какой-то причине так и пришел к пониманию того, какие аспекты миграционных процессов находятся в фокусе статьи. Елена Тюрюканова отсылает к исследованию, в котором из 220 респондентов меньше половины являются мигрантами из всех трех Закавказских республик. Предлагаемый ею интересный анализ положения мигрантов на неформальном рынке в Москве мало помогает в понимании влияния трудовой миграции на положение уязвимых слоев населения в Азербайджане. Общий обзор историка археолога Александра Скакова, тем более, может быть полезен в гораздо меньшей степени. Это статья практически полностью посвящена «этнической ситуации», а вопросам миграции Скаков (не специалист в этой области) отводит, по сути, меньше двух страниц. Чтобы сказать нам, что миграция не будет серьезно влиять на этнический состав населения и что, к сожалению, мы не обладаем мало-мальски достоверными данным и информацией¹⁰. Коротенький и очень общий отчет Инны Гангули, в принципе, не заслуживает

---

⁹ Алиев Исат Алиев работает больше в области правового регулирования миграционных процессов. Фокусом же моей статьи является социально - политический. В целом, на мой взгляд, Юнусову следовало бы обратить внимание читателей на тексты, тематика которых ближе к анализируемым аспектам. Простое перечисление хаотично подобранного набора статей, предпринимаемое им с целью «доказать», что я незнаком с публикациями, вряд ли можно рассматривать, в качестве серьезного конструктивного подхода к дискуссии. К сожалению, текстов близких по тематике к анализируемым в статье аспектам очень немного. И сам перечень, предлагаемый Юнусовым, демонстрирует это обстоятельство наилучшим образом. Но имеет смысл, все же, упомянуть и некоторые новейшие публикации, к которым я не обращаюсь непосредственно в своей статье, но которые могут быть в той или иной степени полезными:

Hancilova B., Allakhveranov A., Zeynalova M., Khudiyeva N. (2008), *Determinants of Labour Exploitation and Trafficking in Azerbaijan: An Exploratory Overview*, EU; *Kids Across the Caucasus* // Open Society Foundation, 2010; Сулейманов А. (2010), Социологический Анализ Интеллектуальной Миграции из Азербайджана, *Sociology of Science and Technology*, Vol. 1, № 1, pp. 109-117.

¹⁰ Скаков А. Этническая и миграционная ситуация в Азербайджане, в: *Миграции на Кавказе*, Ереван: Институт СМИ, 2003, 96-112, с. 110-111.

внимания. И я не понимаю, что нового и важного Юнусов усмотрел в этих двух последних текстах. Мало поможет и наиболее интересная, по моему мнению, работа коллег из Санкт-Петербурга – Олега Паченкова и Ольги Бредниковой. В центре их внимания вопросы этничности, «этнической экономики», жизненные стратегии эмигрантов в Петербурге, и пр.

В целом, попытки Юнусова указывать на различные (и многочисленные, по его мнению) тексты только еще раз подтверждают мой тезис о дефиците исследований¹¹. Этот дефицит демонстрирует и его монография, в которой он упоминает десяток работ исторических, и разве что только слегка расширенный набор уже упомянутых текстов. В остальном, отсылая читателя к разного рода статистическим сборникам и отчетам, а также, и в большей степени, к публикациям в СМИ. В реальности же даже обзорных текстов не так много. Серьезных, заслуживающих внимания специалиста, исследовательских работ и публикаций в разы меньше. Впрочем, если Юнусов отдает предпочтение жанру статей как общих отчетов и обзоров, когда в одном тексте понемногу говорится о целом ряде очень разных аспектов, то его критика из этой перспективы становится более понятной. Как и предлагаемая им «альтернативная точка зрения», которая сводится только к предельно общему обзору миграционных процессов (им же не один десяток раз уже описанных в самых разных публикациях), где интересующей нас проблеме посвящены только два или три абзаца. На подобный подход можно ответить только тем, что мы работаем в разных жанрах. Что, наверное, в конечном итоге, скорее плюс, чем минус. А также, с некоторой корректировкой, согласиться и с мнением Юнусова, что при таком подходе мы не узнаем ничего нового, или, тем более, любопытного.

Конечно, нельзя не согласиться с тем, что есть обширная литература по беженцам и вынужденным переселенцам. Хотя, безусловно, необходима серьезная поправка на качество и этой литературы. Но в данном случае речь идет об отдельной исследовательской теме, и даже по самому названию статьи можно было бы легко понять, что в тексте будет анализироваться только влияние трудовой миграции на положение уязвимых слоев населения. Но не проблемы беженцев и вынужденных переселенцев. Конечно, можно и в одной статье затронуть много самых разных аспектов. Однако, как я уже говорил, такие тексты не могут не страдать поверхностностью.

Периодизация миграционных процессов, которую предлагает Юнусов, также имеет мало отношения к заявленной теме статьи. Не говоря уже о том, что довольно трудно понять, что *методологического* усмотрел Юнусов в предлагаемой им периодизации. Но важнее отметить, что Юнусов репрезентирует свою периодизацию миграционных процессов, как общепринятую научным сообществом, по поводу которой не может возникнуть никаких вопросов, сомнений или дискуссий. Безусловно, можно и, наверное, нужно говорить о динамике и разной специфике миграционных потоков. Однако, есть ли нужда в обозначении столь жестких рамок *периодизации*? Например, можно ли утверждать, что до 1994 не было трудовой миграции? Третий этап по Юнусову носит противоречивый характер, а первые два не содержат никаких

---

¹¹ Конечно, можно легко продолжить список таких работ, в которых в той или иной степени затрагиваются вопросы эмиграции из республик Южного Кавказа, или конкретно Азербайджана. Например: Снисаренко А. (1999), Этническое предпринимательство в большом городе современной России (на примере исследования азербайджанской общины в Петербурге), в: Неформальная экономика. Россия и мир, Ред. Т. Шанин, Москва: Логос, с. 138-155; Карпенко О. (2002), Языковые игры с «гостями с юга»: «кавказцы» в российской демократической прессе 1997-1999 гг., в: *Мультикультурализм и Трансформация Постсоветских Обществ*, Ред. В. С. Малахов и В.А. Тишков., Москва: Институт этнологии и антропологии РАН, с. 162-192; Карпенко О. (2004), Как и чему угрожают мигранты? Языковые игры в «гостей с юга» и их последствия, в: *Миграция и Национальное Государство*, Ред. Т. Бараулина и О. Карпенко, Санкт-Петербург: ЦНСИ, с. 62-84; Осипов А. (2004), Национально-Культурная Автономия: Идеи, Решения, Институты, Санкт-Петербург: ЦНСИ; Танги де А., (2010), Размышления о Миграции в Постсоветских Государствах, *Антропологический Форум*, № 13, с. 323-344, и др.

Однако, в реальности этот список не будет протяженным. Да и представляется малополезным, учитывая специфический фокус моей статьи.

противоречий? Совершенно неясно, почему третий период следует признать *переходным*? Переходным куда, к какому качеству, состоянию или ситуации? В общем, если в случае с первыми двумя периодами размышления Юнусова еще понятны, то в отношении третьего утверждаемая *противоречивость* периода, определяется не менее противоречивыми представлениями самого автора периодизации.

Например, в контексте идеи периодизации представления Юнусова о специфике *интеграции* азербайджанцев в России вызывают множество вопросов и сомнений. По этой версии жесткое давление власти на мигрантов способствует интеграции, а единственным критерием интеграции выступает фактор гражданства. То есть те мигранты, которые еще не обладают статусом гражданина, по определению не могут считаться интегрированными в принимающее сообщество? А российской власти для инициации процесса интеграции достаточно было только придумать закон, ограничивающий возможности трудоустройства? Или этот эффект был случайным? Путаницы во все эти размышления вновь добавляет абсолютное невнимание к терминологии. Непонятно, что конкретно понимает Юнусов под интеграцией. Гражданство, культурные коды, что-то еще?

По той же логике какой-то «*вынужденной ускоренной интеграции*» граждан – азербайджанцев в России должно становиться больше, начиная с 2007 года. Сезонная миграция должна уступать место эмиграции на постоянное место жительства. Однако, результаты тех же Российских переписей, к которым нередко обращается за аргументацией своих размышлений и сам Юнусов, противоречат его же анализу и прогнозам. И если в 2009 году, когда была опубликована его монография (в которой он и предлагает эту версию событий, теперь лишь вновь ее воспроизводя), данных новой российской переписи еще не было, то сегодня эта информация уже доступна. По версии переписи если в 2002 году азербайджанцев - граждан России было 621 840, то в 2010 их число уменьшилось до 603 070. Впрочем, нельзя исключать, что Юнусов обладает какими-то другими, заслуживающими большего доверия данными. А в переписи приведены неверные данные, и на самом деле азербайджанцев граждан РФ стало гораздо больше. Но из каких источников Юнусов черпает эту информацию, так и остается неизвестным.

Впрочем, не стану подробно останавливаться на этих вопросах. Важнее, в контексте темы моей статьи, еще раз подчеркнуть, что Юнусов, к сожалению, только в нескольких абзацах затрагивает актуальные темы. Первый момент – это траффикинг. Тема важная и мною не затронутая. Поэтому дополнения Юнусова представляются очень своевременными. Как раз здесь можно указать и на отчет МОМ, посвященный траффикингу в Азербайджане¹². Кроме того, Юнусов справедливо указывает и на тот факт, что в ряд стран (Пакистан, Кувейт, Турция и др.) с целью поиска заработка отправляются именно женщины трудоспособного возраста. Однако, сводить эту тенденцию только к траффикингу не следует. Речь идет, в целом, о сфере сексуальных услуг, т. е. той сфере занятости, которая расширилась в постсоветский период, и определенная часть таких мигранток не являются жертвами траффикинга.

Напрямую связывать рост количества женщин, занятых в сфере сексуальных услуг (никакими точными данными мы и здесь не располагаем) с трудовой миграцией также не

---

¹²Который, по какой-то причине не упоминает сам Юнусов, как раз и затронувший вопрос траффикинга. К сожалению, этот отчет, опубликованный в 2002 году, уже заметно устарел. Однако, тема, безусловно, сложная, и это один из немногих текстов конкретно посвященных ситуации в Азербайджане. Поэтому данный текст, если обращаться к теме траффикинга, стоит упоминания. Интересно, что Юнусов, критикуя меня за то, что мне «неведома научная литература по миграции», отсылает к ряду отчетов МОМ и пр., которые я как раз и упоминаю в статье. Некоторые из перечисленных им самим отчетов начала 2000-х, безусловно, заметно устарели. Наверное, было бы полезнее указать на какие-то другие отчеты. Если таковые, конечно, существуют. В этом случае, Юнусова можно было бы только поблагодарить.

См: Shattered Dreams: Report on Trafficking in Persons in Azerbaijan, IOM, 2002.

следует. Скорее оба явления (и трудовая миграция, и секс-индустрия) становятся результатами социально-экономических процессов. С другой стороны, сама возможность миграции, а также присутствие в стране определенного количества иммигрантов (в основном мужчин), безусловно, увеличивает шансы применения себя в данной области, и расширяют рынок спроса, на сексуальные услуги.

Ну, и наконец, последний важный аспект. Юнусов справедливо говорит о том, что роль женщин в каких-то сферах может возрастать. Однако, простого указания на возрастание роли женщин в каких-то сферах недостаточно. Этот вопрос следовало ставить в контексте миграционных процессов, чего Юнусов не делает. И здесь можно утверждать, что женщины, например, все заметнее и активнее в миграционных сетях. Все больше женщин отправляется получать образование в страны ЕС, США и др. Можно говорить, например, о том, что возросла занятость женщин в Азербайджане и в сфере оказания разного рода услуг (рестораны, кафе, уборка, офисный персонал разного рода сервисных фирм, международных фондов и организаций, т. д.). Однако, не следует и преувеличивать эти изменения. Сама эта сфера занятости заметно расширилась после распада СССР, и напрямую связывать с миграцией рост участия женщин в этой нише также не приходится. В этих сферах трудится и немало мужчин.

Гораздо менее продуктивно напрямую связывать позиции женщин в политических партиях или в среде правозащитников с миграционными процессами. Причем в управлении политическими партиями женщин как раз практически и нет. Так, среди лидеров политических партий выделяется только Лала Шовкет Гаджиева, которая пришла в политику в начале 1990-х. И, безусловно, не по причине того, что «глава семьи»/ «муж-кормилец» стал трудовым мигрантом, а в силу своих личных качеств. Во главе практически всех остальных и тем более всех значительных партий стоят только мужчины¹³. Женщин, конечно, можно встретить и в руководстве партий или в числе активистов, но не на первых позициях, как это было и в период существования Азербайджанской ССР и коммунистической партии.

Было бы важно увидеть и те источники, в опоре на которые Юнусов утверждает, что большинство НПО возглавляют женщины. Но здесь остается только доверять суждению Юнусова. В то же время, стоит вспомнить, по его же справедливому мнению – и о серьезных позициях, которые занимают женщины в правозащитном движении. К сказанному Юнусовым, можно добавить, что пост Омбудсмана Азербайджана с момента его учреждения в 2002 году был закреплен за женщиной – Эльмирой Сулеймановой. Можно упомянуть, что три наиболее известных имени в среде правозащитников это: Новелла Джафарова, Лейла Юнус и Арзу Абдуллаева. Но все они обратились к этой деятельности также в начале 1990-х, и не по причине гендерного дисбаланса, вызванного миграционными процессами. Как раз в 2000-е к правозащитной деятельности все больше обращаются мужчины, а не женщины. Да и в целом, сфера эта очень узкая.

Подчеркну, что я в статье указывал на тот факт, что гендерный дисбаланс, сложившийся в стране в силу эмиграции значительной части мужчин трудоспособного возраста, не привел к какому-либо заметному перераспределению ролей и статусов. Миграция не стала причиной существенного роста участия женщин или пенсионеров в различных сферах занятости, их сколько-нибудь массовому приходу к престижным должностям, позициям и т. д. Определенная общественная активность женщин наблюдалась и в годы Азербайджанской ССР. Тем более, что и официальная советская политика подразумевала равноправное участие. И если в постсоветский период в каких-то сферах эта активность стала более заметна, то во многих

---

¹³ Даже Либеральной Партией Азербайджана, единственной из возглавлявшихся женщиной – Лалой Шовкет Гаджиевой, в последнее время, фактически руководит Аваз Темирхан (исполняющий обязанности председателя). Легко убедиться, что председателями 24-х других наиболее известных политических партий Азербайджана являются только мужчины. См: Allahyarova T., Mammadov F. (2010), Political Parties in Azerbaijan: From One Election to Another // Center of Strategic Studies under the President of the Republic of Azerbaijan, Baku, pp. 99-135.

других, напротив, женщин можно встретить гораздо реже. Для того же, чтобы утверждать, что женщины составляют большинство среди руководителей НПО в силу эмиграции мужчин, нужны специальные исследования.

Суммируя все сказанное, я закончу на утверждении Арифа Юнусова, с которым он начинает свой текст, что надежды на знакомство с неизвестным и новым в области изучения миграции уже не осталось. Возможно мне, как социологу, покажется странным это высказывание. Юнусов же, в качестве историка и конфликтолога - прав, когда считает, что все важное и интересное уже пройдено. Однако, учитывая тот набор текстов, в которых, по его мнению, все уже было сказано, я рискну повторить, что дефицит серьезных и интересных работ остается очень ощутимым. Не говоря уже о работах по разным исследовательским специализациям. Практически нет работ антропологических, очень скудный пейзаж в области социологического анализа. Абсолютное же большинство работ, к которым мы можем обратиться – это либо анализ политический (как правило, обзорный), либо экономический. Я бы рискнул сказать, что история миграции также остается интересным полем для исследователя. Не говоря уже о том, что миграционные процессы всегда носят весьма динамичный характер. Эти процессы всегда современны, а это значит, что новое поле для исследования будет существовать, пока продолжается миграция.